

КУПРИЯНОВ БОРИС

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЦАРСКИЙ САД

Мы засыпаны садом, и тлеем, и зримся.
В черной выдумке ночи, как птицы в болоте, ни шагу.
Да и не захотелось бы. Так, замерев, заострився,
Отворотимся, включимся в белую нашу бумагу.

Всё по сердцу! в саду -- не по римской дороге,
Злопахателю место не сыщется -- стыдно.
Отчего мы при свете так мало вздыхаем о Боге?
Почему нам не сладко, не больно, не видно?

О, засмертное царство, о, таинство, о, колыбельня!
Неминуемый холод, и тот неизвестен узревшим.
Почему от нее замечательный крестик нательный
Оказался таким позабытым, таким надоевшим?

Вот и стало, как не было в жизни ни разу:
Умирающий сад объяснился в любви.
Потянулись цветы, недоступные глазу.
То не руки ее улеглись к изголовью.

Лучше б руки. Но сорвана маска над бездной!
Мельпомена, Эвтерпа, Елена, Валерия, Анна --
Ваша память водой измывается пресной
Нашей гордой отчизны кухонного крана.

Знак истребован новый. Печать добывая Творцову
Для застеленных глаз у Камен полукаменных, крикнешь:
"Я рожден для другого, живу подобру-поздорову".
И без всякого смысла забьешься, заплачешь, поникнешь.

Нету центростремительной линии бегства из царского сада!
Понимаешь ли, вечный налогоплательщик кудрявый?
Я смотрю на дорогу, которую сделало стадо,

И на церковь, вернее, на купол ее, от снаряда дырявый.

Я не сделаю то, что советует стража.
То есть то, что советовать, собственно, будет.
Я лицо свое пеплом, золой серебрястой измажу.
О российской словесности внешне не судят.

СТАНСЫ

Что же, санки давно отдыхают. Мальцы обманулись.
Ветер вылетел вспять замораживать прошлое слово.
Навсегда наши тени в зеленых колодцах надулись.
О, никто не читает сравнительно новых!

Я руками кричать научился на улицах старых.
Зарекаюсь судить. Потрошу привезенное тело.
Благодетель духовный отправил, остался замаран.
Гонит стадо усопших, распухших, дебелих.

За кудыкину гору загнав распаленное братство,
Господин позабыл назначенье лихого похода.
Помешался, отправил! Ему не напомнит убранство...
Ничего не напомнит! Пусть смотрит на воду.

Я не выйду из дома. Мое привезенное тело
Перетерпит родня, передернется смертной истомой.
Господин, разве сердце твое не болело
В первый день объявленья -- "родился не дома"?

Как давно это было! За голосом слов не узнаешь --
Напечатанных столбиком в темном альбоме.
Трудно. Поздно. К полуночи все вспоминаешь.
Остаешься один в перевернутом доме.

ИЗ ЦИКЛА "ВЕНОК ТЕНЕЙ"

Горел ли когда под Полтавою швед?

Нам пламени знать не дано.
Угрюмые рюмки, коривый букет,
Дешевое слишком вино.
На севере так, а на западе нет.
На севере город стоит.
Там стуки давно позабытых карет,
И некто на лавочке спит.

СОН

Музыка играла, но гибли цветы,
Поскольку холодную выбрали залу.
У дам на груди подыхали коты.
А многим и этого мало.
А мне предостаточно. В нашем краю
Несбыточной воли и влаги,
Во сне предыдущем я день узнаю,
Как знак водяной на бумаге.

О чем же печалиться, милый дружок?
Искусственной силы подсветка!
И ты растворенного сна порошок...
Родителей набожных детка.

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Слышишь радости речку? И можно заплыть на спине.
Говорят, что уверенный спит на спине сыроватой.
Значит, нянчил не зря голосок, приходивший извне,
По ночам задыхаясь соленой, стеклянною ватой.

Вот и сумерек роскошь почти перестала пугать.
Этой ночью лиловой на улице белой и длинной
Отступного прошу. Запрети ей меня вспоминать.
Пусть совсем не живет этой жизнью старинной.

Я прощаюсь навеки, и скорби не вижу своей.
Человек человеку -- темнющие силы природы.

Только сухо во рту, только с радостью вьет суховей,
И стремятся раздаться небесные своды.

Наблюдатель, ты слышишь молчанье учителя в нас?
Я постиг барабан, перестав умиляться свирели.
И поэтому гложу, но слышу, как топчет Пегас
Геликон, о котором пишу акварели.

Я ли яблоко съел в истерически сладкой тоске?
Я ль не радуюсь -- вышел живым и ненужным?
Только помню кольцо на веснушчатой желтой руке,
Только знаю о нашем молчании дружном.

Отдыхающий хам, проводи нашу блажь по реке,
Не засматривайся в долготу и длинноты,
Ибо неповторимо по страху умирать вдалеке,
А тебе еще нужно прожить по болоту.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Если сердце заслушает, не забываясь, означает
Речь громадного мастера яда в рассыпанных искрах стыда,
Обязательно, тут же сидящая, дева заплачет,
Зарыдает двуликого Януса та половина и та.

О, двуликий, учи мастерство преступленью!
Золотая середина, вырождая святош по любви,
Не годится творящему, любящему для уменья
Выживать, но учивший летать обязательно скажет, -- плыви.

Янус, что за вопросы? Зачем ты колеблешь ребенка?
Дева держится вся из последних надуманных сил.
Мастер, перемените пластинку, рифмуйте поближе -- в колонку!
Боже, кто ж это нас до такой сложности упростил?

Я и сам, как в гостях. И домашнего слова не слышал.
Зивисекция рано отпущенных жизнью грехов!
Мастер, не обижайтесь! Мы встретимся с вами на крыше.
Что мы, собственно, можем, когда не читаем стихов?

Янус, я для читателя перепису отходную.
Посмотрите, какая в тенетах моих красота.
Я хотел написать, что любовь иногда именуют...
Только, как именуют, уже отлетело с листа.

Каждой твари по паре. Читатель, следи за изменой!
У возлюбленной лютня, у мастера темный флакон.
Дева больше не плачет. Я ей положил на колено
Завалившее яблоко и выхожу на балкон.

Если сердце заслушает, не забываясь, значит...
Только чуть отдышусь, по стаканчику щелкнем еще!
День как будто бы прожит. Двуликий нас не особачит.
Мастер древнего яда зеленым укроет плащом.

У возлюбленной сад задыхается в пьяном угаре.
У меня под крылом прошлогодняя лютня молчит.
Я хотел написать: кто же сердце мое отоварит
В перевернутой Богом, за что -- неизвестно, ночи.

ВЕТРЕННЫЕ СТИХИ О ПТИЧЬИХ ТАИНСТВАХ

Блоковский ветер вернулся из дальних скитаний.
Здравствуй, Эолова музыка! Наша листва
Не встрепенется, чтоб дать нам живое название.
Впрочем, простите, -- я все начинал с баловства.

Сосредоточьтесь, тяжелый поэт, за пригорком.
Вам не понять, как становится тень "на часы",
Сколько темнящих пророков по нашим задворкам
Души бросают свои на чужие весы.

Я не люблю постоянства пристыженной бездны.
Вот колоколец у друга в дверях -- позвоню.
Выплю глоточек свободы его безвозмездной
И романтической песней окно отворю.

Ветер, найди наши честные чистые струны,
Заговори языком побелевших ночей.

Я не забуду безмолвной прогулки безлунной,
Часто дрожавших девичьих, девчачьих плечей.

Но не любовью, сведенной к двуличному чуду,
А абсолютной музыкой движим в саду
Птенчик, к которому вся полюбовная груда
Тянется так, словно что-то имеет в виду.

Виды не ваши, пейзажная жажда без дели.
Только имеющий уши познает пейзаж.
Ветры, Августовы птицы, Эоловы щели --
С первого взгляда ничем не приметный коллаж.

Здравствуй, Август, -- подстрекатель особенных струнок,
Ветреных птиц созерцатель, Эоловый сын,
Птичьих яичек хранитель, строитель скворешневых лунок,
Братец поэтов, сегодняшний мой господин!

Что ж, освящайтесь, но в памяти не расходитесь!
Римским жрецам, голоногим гадателям птиц
Русский птенец, от поэзии, видимо, витязь
Выскажет слово, глядясь в Петропавловский шпиг.

О, высоко, о, как холодно, как неизбежно!
Ангел простертый поблизости где-то висит.
Кружит душа. И какой-то мотивчик надрывный
Вечную душу его клеветой леденит.

Вера, при всей бесконечности исповедален --
Есть подсердечная роща для ветреных птиц!
Не притворяйтесь, смутитесь: и вы над Невой пролетали,
Не узнавая уступчивых, ангельских лиц.

Птица и ангел -- два знака сбывавшейся веры
И воплощение всемирно известной души.
Сбудется все. И Августа сошлют на галеры
Только за то, что он слушать умеет в глуши.

Ты ляжешь, ты волосы вытрешь со лба,
 Ты вытрешь лицо, побросашь слова.
 Ты в воинской части откроешь глаза.
 Землянка твоя: капитан с попугаем,
 Сверхсрочник слепой и радистка глухая.
 И сказку расскажет тебе попугай,
 Сверхсрочник споет, а радистка пускай
 Все по миру... по миру... по миру пустит!
 Господь не допустит, чтоб ты умирал.
 Ты встанешь. Ты волосы вытрешь со лба.
 Солдат Куприянов, тебя позвала
 Прощальная мать на прощальный обед.
 Господь допускает — тебя уже нет.

ПОРТРЕТ

Андрею Геннадиеву

Вдохновенные крючья сжигаемый воздух сожрет.
 Кисло-сладкое чудо просохнет, художник вернется.
 Что останется? Серое скопище нот
 Сквозь листву золотую. Над всем черно-белым смеется.

Где ты саблю свою обронил, молодой человек?
 До чего же земля для твоей перспективы поката!
 Копьецо голубое, серебряный взгляд из-под век.
 Все святое попрыгало в страшную сумку солдата.

Я хочу обнадежить, сослаться на зоркость и злость,
 Поступиться предельными знаками друга и брата.
 Я хочу, чтобы младость окутала гневную кость,
 Чтобы вымерли тени в углу твоего медсанбата.

Но гравюра наколота, зверь в удаленьи дрожит,
 Моментальная дама хохочет, и плачет стрекозка.
 Почему я не чайник? Не вечно обманчивый жид?
 Почему я не та -- из листвы световая полоска?

Престарелые тайны листаешь... пластинки листок.
 На подкрашенном темени красная птичка уселась.

Скоро выгорит запад. У нас догорает восток.
Никуда не годится моя живописная смелость.

Мертвецы захоронят своих мертвецов без стыда.
Уголовная жизнь полнотой окажется медной.
Посмотри, как стремится, как плачет морская вода!
Отплываем и мы этой светлой водою бесследной.

Г Е К Т О Р И А Н Д Р О М А Х А

Чем темнее, тем тише. Улыбка мерцает, как птица.
Поцелован и позван к столу, и замечен.
Слышишь шорох толпы? Скоро звон колесницы.
Скоро наши объятья и свечи.

По глотку, по смиренью, по робости с болью,
По мертвящему чувству обиды,
По стечению всех обстоятельств с любовью,
По лицу, повидавшему виды,

По всему, что зовется реальным и внятным,
Что назваться умеет без страха,
Я хочу промолчать и кивком непонятым
Попрощаться. Молчи, Андромаха.

Гектор выслушал жесткость и нежность пустыни,
Даже вглядывался в мерцанье.
Он послушен, спокоен и страшен отныне,
Потому что умрет, как названье.

А на самом-то деле мечта и молитва
Розовела за дальней, за далью.
Не с копьем! говорю, мол... не с копьем! говорит, мол...
А с песчинкой, попавшей в сандалю.

Происходит: лежим, не шелохнется днище,
Дорогая метнулась, как лебедь...
Мы заснем в наготе, в простоте! И почище,
Чем звезда со звездою на небе.

ЖАЛОБА А Д А М А

Камни высохли все. Голубая проталина тянет
Обернуться, взглянуть, но рассеянный сумрак сквозит.
Та мгновенная музыка вырвана с корнем и вянет.
Только купол вмещает, а сердце ее не вместит.

Этой музыки риск -- полнокровная туча над храмом.
Купол сам превращен, агрофобию с силой уняв.
Ах, какая простуда! Зачем я родился Адамом?
Мог бы выйти фаготом, волшебною флейтой не став.

Долженствующий знать о возможности всех воспалений,
Убоявшись стремнин музыкального злого дождя,
Выхожу из Казанского сквера, не знавший молений,
Абсолютную музыку до пустоты доведя.

ПРИГОВОР

В дебрях смерти утомленной,
В долгих ангела руках
Ты признался. Ты влюбленный
Человек. Любовь в веках.

Или скаредного неба
Для признаний таковых
Слишком ветренная Геба
Жизнь форсирует, как стих?

А я да не яблоко вкушаю,
А над подсвечником дрожу!
Я тебе не разрешаю
И себе не разрешу.

Из копытца в царстве парных
Горькой водки не искал,
А искал чудес словарных
И взалкал.

Горе роще маловерной,
Не сумевшей птиц ласкать.
Слава мышце подреберной,
Все прощающей опять.

ТРИ ГРАЦИИ

Евфросина, Талия, Аглая,
Возродите радость, блеск и цвет!
Покажитесь! Я пройду по краю
За живот, а не за эполет.

За животворящую духовность
На ингерманландской стороне
Я прощу вам вашу злую томность,
Фотографию повешу на стене.

Помогите, озаритесь, свейтесь!
Изберите лучших учениц!
И не улыбайтесь, а засмейтесь!
Не прощайте наших скорбных лиц!